

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 4

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

РАССКАЗЫ

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДОЗОР

ТУМАН 2

РОССИЯ 2000

ТРОЕ В ОДНОЙ ГРУППЕ И С.МУСЯ

Омск 2021

В четвертый том собрания сочинений Игоря Петракова вошла избранная проза – рассказы, повести «Россия 2000», «Предпоследний Дозор», «Туман 2» и эссе из жизни студентов филфака «Трое в одной группе и С.Муся».

РАСКАЗЫ

Кассета

Собственно говоря, офис этого рекламного агентства находился так высоко в небе, что Алексей и всех его обитателей почитал за небожителей. Так необыкновенно кружилась голова от расставания с землей, когда он смотрел на нее из окна седьмого этажа, такой славный вид на город открывался отсюда. Внизу что-то строили трудолюбивые рабочие, сгибали спины, как мураши. Окно находилось в уходящем вдаль и вдоль всего здания коридоре. Алексей любил остановиться у него, поговорить неспешно о том, как идут дела у него в школе.

Во время одного из таких разговоров он и познакомился с выбежавшим на перекур из рекламного агентства Демьяном. Демьян был то, что называется "душа компании", знал десятка три сомнительного качества анекдотов, умел блеснуть острым словцом, сделать понимающий вид, кивнуть, поддакнуть. Эти умения он нажил в разные этапы своей, впрочем, не богатой на исторические параллели, биографии.

На этот раз Демьян позвал Алексея туда, где он подумывал в общем-то побывать, но все как-то было недосуг - в само рекламное агентство. Алексей не возражал. Вскоре они оказались в среднего размера комнате, где уютилось трое "сотрудников", как их представил Демьян. Около стен стояло несколько мониторов. Как показалось Алексею, атмосфера была здесь вполне приемлемой. Один из сотрудников, Николай, что-то рисовал на своем экране, проявляя таким образом свои недюжинные художественные способности. Другой сидел в дальнем конце комнаты и тоже был увлечен чем-то всерьез.

- Ну, знакомьтесь, - сказал Демьян, усаживая Алексея на мягкий диванчик, стоящий почему-то посреди "студии", - тут наше постоянное место. Ребята не жалуются, - Демьян усмехнулся, - думаю, и вы сможете раскрыть ваши таланты.

Алексей подошел к окну. Медленно падал снег, искрился на склонах аккуратно очищенного тротуара. В мире все обстояло вполне благополучно. Алексей даже на минуту забыл, зачем оказался здесь.

- Мы покажем вам наши ролики, - предложил Демьян, - они являются как бы нашей "визитной карточкой".

Он вставил старую, потертую кассету в магнитофон, светски изнеженным жестом нажал на какую-то кнопку, и на экране возникла эмблема рекламной студии.

- Сейчас начнется, - предупредил Демьян.

Алексей внимательно смотрел, как на экране сменяя друг друга движутся цветные картинки и думал о том, что, если бы для него нашлась какая-то работа в школе, он вряд ли бы сидел сейчас на мягком диванчике. Но в школе нашлись другие желающие преподавать - она была очень престижной и в один прекрасный день Алексея просто лишили возможности продолжать занятия, которые он уже, скажем прямо, полюбил.

Непритязательные, с неестественными пропорциями маленькие человечки появились на экране, рекламируя какую-то краску для фасадов. Их сменили аляповатые фигуры дедов морозов в синих халатах. "Ожидаемый уровень кустарности", - отметил про себя Аленксей, и

вдруг ему стало невыразимо скучно. Однако усилием воли он заставил себя слушать то, что говорил ему Демьян.

- Первым делом вы показываете нашим потенциальным клиентам кассету, - втолковывал он, - если клиент перспективный, кассету можно оставить на два дня, не больше. Ваша задача - привлечение таких клиентов.

В этот момент из дальнего угла раздался возглас:

- Есть!

Это воскликнул с неким нечеловеческим азартом тот "сотрудник", который сидел в уголке и что-то нажимал на клавиатуре.

- Как видишь, задача несложная, - не смутившись этим восклицанием, произнес Демьян, - уверен, что ты справишься.

Алексея почему-то немного по уху "резануло" это обращение на "ты", хотя казалось бы, ничего удивительного, - у Алексея теперь был новый статус, он встречался с потенциальным работодателем, который, впрочем, так и мог бы не появиться на его горизонте, если бы, если бы.. Но о том, что произошло, лучше было не вспоминать.

Алексей подумал, что, может быть, он и искал вот этой вот фамильярной поддержки, панибратского отношения с похлопыванием по плечу, с минимальной ответственностью за свои поступки. Как будто это был совсем другой мир, далекий от привычного человеческого, в котором провел Алексей свое детство и юность, и в котором хотел жить, но не сложилось..

Едва чувствуя, что он делает, Алексей взял нетвердой правой рукой "визитные карточки". Он уже постепенно осваивался в этой обстановке, и поведение Демьяна именно здесь не казалось уже противоестественным. И с другой стороны, как-то не верилось во все происходящее, - Алексей словно смотрел на студию со стороны и не мог поверить, что все вокруг него происходит в действительности, что он действительно сидит здесь и о чем-то спрашивает Демьяна.

- А это Николай, - продолжил Демьян и представил Алексею сидящего в углу, - ну, играет немного сейчас. Посмотрим, что у него там творится.

Алексей шел впереди низкого Демьяна, а тот как будто подталкивал его в тесный угол, заставленный стулом, столом и притулившимся к местности Николаем.

- Проходит второй уровень, - пояснил Демьян, глядя на монитор и кивая на Николая. Николай с ожесточением нажимал те же кнопки на клавиатуре. На мониторе был какой-то коридор, из разных углов которого выскакивали жертвенные фигуры - и неизбежно попадали на прицел Николаю.

- Смотри, смотри, вот он! - подбодрил его Демьян, казалось, тоже увлекшийся заэкранной игрой.

Алексею показалось непонятным и странным, как двое людей, казалось бы, вполне вменяемых, могут в одно время быть увлечены одним и тем же безрассудным делом. Но Алексей ничего не сказал. Его не оставляла мысль о том, что ему нужно привыкать к нечто новому. "В этом - великая сермяжная правда", - вспомнил он слова классика, и они его развеселили. Алексей улыбнулся.

- А, нравится? - по-своему истолковал выражение лица Алексея Демьян, - поди, и не видал такого?

Безобразные фигуры на экране обнаглели окончательно и, ничтоже сумняшеся, полезли на первый план. Алексей повернулся, посмотрел на окно, на рисовальщика за противоположным монитором. "Как же мне выполнить теперь задание? - подумал он, - не подкачать Демьяна".

Тем временем в офисе появился еще один сотрудник, они о чем-то оживленно заговорили с Демьяном. Посреди разговора последний оборвал себя на полуслове и жестами дал понять Алексею, что аудиенция окончена.

Алексей спускался по лестнице, и вместе с ним спускалось солнце, видное из-за гряды пурпурных облаков. Первой задачей была - не сойти с ума. Второй - вернуться к чему-то важному в жизни, чего он так и не понял. Вчера было так славно, так уютно..

На улице Алексея обдал холодный ветер, обыскал карманы, забирался за воротник. Было совсем странным идти сейчас куда-то, встречаться с незнакомыми. И Алексей взял паузу, помня свою первую задачу - сегодня он больше никуда не пойдет. Куда-то спешили люди, но ему до них не было дела. Мигали огни на вывесках.

На следующий день Алексей проснулся поздно. И сразу вспомнил об этой новой, появившейся недавно, необходимости оправдывать свое существование. Предательски смотрела кассета с тумбочки.

И Алексей молча встал, оделся, беззвучно поел приготовленный бабушкой завтрак и направился в агентство по сдаче квартир. Уж там-то, подумал он, людям совершенно нечем заняться, и они с радостью ухватятся за его предложение. Искомое агентство находилось в двухэтажном домике, который напоминал те, которые строят на сваях, чтобы спасти их от наводнения. Прямо на второй этаж вела лестница, а там гостя встречало маленькое крыльцо, с которого отходу назад уже не было. Так, по крайней мере, казалось Алексею, когда он вступил на первую ступеньку лестницы.

- Проходите, проходите, молодой человек, - молвила дебелая женщина - владелица агентства, очевидно, - с чем пожаловали?

Узнав, что Алексей прибыл из рекламного агентства, она сразу сбавила ход и уставилась на него как на досаждающего неделями просителя.

- Что вы можете сделать для меня и моего агентства? - сразу взяла она быка за рога.

Алексей чуть было не растерялся. Он выудил из пакета данную ему кассету и сказал:

- Вы можете ознакомиться с нашими работами (при этом Алексею казалось, что говорил это не он, а кто-то другой). Это интересно. Мы можем сделать для Вас такую же работу. Мы уже делали подобное для.. (и тут Алексей назвал несколько известных в городе фирм).

- Я хотела бы сделать для себя такую заставку, - кивнула головой женщина, оказавшаяся Светланой, - но, думаю, что наш бюджет не потянет. Впрочем, я возьму вашу кассету - посмотреть, что да как.

Алексей недоуменно согласился, и кассета перекечалась в коричневый портфель владелицы агентства (Алексей и не думал, что такие еще сохранились в природе).

Вечером Алексей уже был на седьмом этаже и рассказал Демьяну о своих "похождениях".

- Ладно, ладно, - усмехнулся Демьян, - посмотрит кассету - это хорошо. Но ты не должен останавливаться на достигнутом. Прямо завтра с утра засядешь за телефон - позвони в двадцать агентств. Задача та же - назначить встречу. Подумай, какие могут быть нам полезны. У меня самого есть список, я, так и быть, одолжу тебе номера нескольких из них.

С этими словами Демьян круто повернулся и легким взмахом руки достал из кипы розовую квадратную бумажку.

- Вот, перепиши их сейчас, завтра позвонишь, - сказал он.

Алексей безропотно подчинился. Однако и в этот момент он снова ощутил, что никак не может привыкнуть к отведенной ему новой роли. В школе он был занят любимым делом, а здесь приходилось осваивать какие-то невиданные доселе навыки.. двадцать агентств! сама эта цифра выглядела устрашающе.

Алексей вернулся домой довольно бледный.

- Ты бы поел пирожков, Алеша, - сказала ему бабушка, - что-то выглядишь ты не очень. Не заболел ли?

Алексей нахмурился и пробормотал в ответ что-то невразумительное. Вечером он отрешенно смотрел телевизор, и странные фигуры на экране казались ему продолжением той компьютерной игры, что он видел в офисе агентства.

Если есть у человека предчувствие, то оно у Алексея появилось как раз в этот момент.

Наступил еще один день. Как и было обещано, Алексей обзвонил два десятка агентств - и во всех поручил вежливый, но непреклонный отказ. В трех агентствах, впрочем, к нему отнеслись с большим пониманием, и долго говорили. Алексей не знал, что то были агентства конкурентов, пытавшихся выведать у него секреты рекламного бизнеса.

Он испытал острое чувство разочарования - почти как в детстве, когда не получал необходимую игрушку. Но на этот раз чувство было тяжелее, оно давило, голова отказывалась воспринимать первую неудачу. Тогда Алексей решил сделать ход конем - он направился в то агентство, в котором был вчера. Наверняка Светлана, так просто с ним разговаривавшая, сможет ему подсказать, что делать дальше. Кроме того, не исключалась возможность заказа - не зря же Светлана смотрела кассету. Значит, есть еще надежда.

На улице было пустынно. Ветер трепыхал на углу полуоторванной афишей. Уже подходя к крыльцу, Алексей почувствовал неладное. Он остановился, поглядел по сторонам, - может быть, что-нибудь забыл? нет, кассета еще у Светланы. Он поднял взгляд, и увидел, что дверь заперта на большой, внушительный, замок а вдобавок еще и опечатана. Он по инерции поднялся по лестнице, постоял на площадке, обдуваемой холодным ветром. Как счастливы люди, у которых есть настоящая работа, подумал он, глядя на переходящих улицу. Ему уже не хотелось идти в агентство Демьяна. Но он все же уговорил себя, убедил, что это будет пустая формальность. Ведь он всего лишь первый раз попробовал свои силы - неудивительно, что у него ничего не получилось.

Лифт в здании опять не работал. Алексею пришлось подниматься на седьмой этаж по лестнице. Он запыхался уже на пятом. Сердце билось учащенно.

Его встретил какой-то незнакомый "сотрудник", который сказал, что Демьян скоро подойдет.

- Подождите его пока.

Алексей сел на мягкий диванчик и, чтобы не скучать, уставился на произведение художника, рисовавшего деда мороза за экраном э.в.м.

Появился Демьян. Он мягко, как пантера, подошел к диванчику и уселся рядом.

- Ну каковы успехи? - поинтересовался он, - докладывай все.

- У меня не получилось, - промолвил Алексей, - я звонил в агентства, некоторые только как следует говорили со мной.

- А кассета?

- Ну, кассету забрала Светлана, а ее агентство теперь опечатано. Мне жаль, но..

- Как?! - Демьян даже привскочил с места, - посмотрите, он посеял кассету! ну и быдло. С такими дело иметь - себе дороже. Второй день работает - никакого толку, только вред! - Демьян перед этим выпил и поэтому все больше распался, - ах, тварь! поглядите на него. А мне теперь отвечай за эту кассету. Вон! Вон!! - закричал он что было сил и указал на дверь.

Алексей не сразу понял, о чем речь. Он сидел чуть не разинув рот и наблюдая разительную перемену, произошедшую с рекламным продюсером.

Он медленно встал. Вся комната, в которой размещалось агентство, показалась ему до смеху маленькой, а рекламный продюсер - ненастоящим, противоестественным уродцем, выбравшемся на землю из пещер Лехтвейса. Но Алексей ничего не сказал. Он церемонно поклонился и оставил Демьяна одного в этой комнате, кричащего, распалющегося свой гнев уже на других бедных сотрудников.

Удивительный пациент

И в среде людей, страдающих душевно (что однако большая редкость в наше рациональное время), надо сказать, встречаются личности, достойные пера русского писателя. С одной из них мне довелось встретиться в областной больнице. Это был удивительный больной. У него была своеобразная "мания величия" - он воображал себя профессором Преображенским из известного романа Михаила Булгакова. Причем профессором современным, не понимавшим и не приспособившимся к бурным влияниям времени.

Обычно Филипп Филиппович, как называли его в больнице, сидел в исполненной важности позе на кровати. Но это было лишь внешнее, поверхностное впечатление. На самом деле он был очень добрым и внимательным к другим пациентам. В этом пришлось убедиться и мне, - меня он принял за одного из бедных постояльцев этой больницы.

- Я удивляюсь, - говорил он мне, - как разительно переменялось время. Я с восемьдесят пятого года жил в моем доме. И за это время не было ни одного из случаев, подобных тем, что происходят сейчас вокруг.

- Какие это случаи? Опишите их, - сказал я.

- Удивительная полная безнаказанность, которую чувствуют люди. Они, право же, ведут себя так, будто больше нет никакой власти над ними, никакой управы, и никто не может, не способен их привести в чувство. Кому это нужно, я вас спрашиваю? Кому из людей придет в голову прыгать, скакать по квартире посреди дня? Кто из трезвомыслящих людей будет включать какофонию, для того, чтобы ее слушали все, кто живет в городе и в стране?

- Но ведь это, кажется, естественные проявления так называемой свободы, - сказал я.

- Но до две тысячи пятого года никаких подобных естественных проявлений, как вы их называете, просто не существовало! не было как явления! Все получило старт, когда у нас в доме появились поселенные существа. Они поселились этажом ниже. Скажите, пожалуйста, почему я должен выслушивать все их басовитые выражения и крики? сидит такая изумительная дрянь в доме на своих четырнадцати аршинах и считает, что она находится в своей стране!

- А вы не пробовали как-то думать о другом? - спросил я, - например, читать газеты и журналы.

- Но ведь их пишут люди, которые живут в тех же условиях, в той же стране! - воскликнул Филипп Филиппович, - так что мой верный вам совет - не читайте перед обедом российские и областные газеты.

- Но ведь других нет!

- Так никаких и не читайте, - посоветовал Преображенский, - конечно, может быть, они рассчитывают на то, что я последую их пути. Ведь, по их мнению, прыгать и распевать целый день как соловей вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом - это вполне достойное занятие.

- Тогда, может быть, театр? - предположил я.

- Батенька, да вы, боюсь, не понимаете, что представляет собой современный театр! Это раньше я мог без всякой задней мысли поехать в Большой или даже в Малый, чтобы посмотреть оперу. Теперь все по-другому. В театре нынче актеры прямо на сцене сквернословят как урки. Они считают это высшим шиком, по их крайнему разумению. Что может быть лучше для провинциального зрителя.. да и для столичного тоже, рассуждают они.

- Возможно, вы, профессор, попали не в самый престижный театр, - сказал я, - но сейчас есть и кинотеатры, в которых можно посмотреть новый поучительный фильм.

- Я однажды заглянул туда, и - что бы вы думали, там увидел? картины разрушения, гибели всего, что только можно вообразить болезненному, воспаленному мозгу. Причем не имеет значения, для кого этот фильм - для взрослых или детей, разницы никакой. Я посмотрел, признаться, несколько минут, и убежал оттуда через парадный вход. Все остальные остались в зале и терпеливо смотрели картину. Мне их искренне жаль!

- Послушайте радио, там вы хотя бы не увидите подобных картин.

- Да, вид радио не портит - это верно. Но те известия о происходящем в стране, которые оно передает, не приведут вас в оптимистическое расположение духа. То и дело сообщают, что где-то взорвали поезд, а где-то сгорел "ночной клуб". Нет, милостивый государь, подобные события никак не благоприятствуют хорошему самочувствию.

- Может быть, книги, современные книги - что вы скажете по их поводу?

- Современные книги, во всяком случае, те, что я обнаружил в ближайшем магазине, делятся на три категории - дамские романы, детективные повести и фантастика. Причем первые и вторые так пересекаются, что трудно провести границу между ними. Дамы пишут детективные романы! Что может быть парадоксальней? Что же сказать по поводу фантастики? Она как-то слишком похожа на обыденную жизнь, на те же сообщения по радио. Чем большим количеством жертв автор украшает повесть, тем больше, очевидно, получает ассигнаций за нее.

- А люди, которые живут рядом с вами? Они, наверное, интересные, пытливые личности?
- Увы! Они стоят на самой низшей ступени развития. Они еще только формирующиеся, слабые в умственном отношении существа. Все их поступки чисто зверины! Даже животные рядом с ними не выдерживают. И они в присутствии людей с университетским образованием позволяют себе ругать нас с развязностью совершенно невыносимой, подавать нам ересь космического масштаба и космической же глупости, о том, как надлежит себя вести.
- Вы не пробовали говорить с ними?
- Говорить? Боже праведный! Что я мог бы им сказать? Что им нужно молчать, молчать и слушать, учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества! Ведь они даже переписки Энгельса с Каутским не читали! Даже Швондера рядом с ними нет, чтобы подать им такую книжку. Чтобы они, так сказать, развивались..
- Но ведь наверняка большая часть этих существ учится в школах, в университетах, - сказал я, - им наверняка стараются привить что-то хорошее, полезное для жизни?
- А вы задумались когда-нибудь, кто их учит? - спросил профессор, - каким авторитетом обладают эти люди для них? нет, для них герои и авторитеты совсем другие - те, кто смог подчинить себе, узурпировать, оскорбить.. Неудивительно, что они так ведут себя. От их университетов и школ остаются только призраки учебных заведений. Я как-то решил зайти в один из них. Те, кто там находился, оскорбили меня так, что я еле ноги унес. О, наша бедная Россия!
- Но, может быть, на университетских кафедрах еще царит некое подобие порядка и разумного устройства жизни? - с надеждой поинтересовался я.
- Ах, как я бы хотел, чтоб так они и было! - сказал профессор, - но, когда я был на кафедре русского языка, то увидел, что там нарушается даже сам закон о русском языке. На другой кафедре мне предложили заплатить солидную сумму, чтобы я получил возможность предоставить свое исследование, над которым трудился столько дней, ученому сообществу. К берегам священным Нила..
- Может быть, в спорте сегодня еще сохраняются традиции чести и достойной борьбы? - предположил я.
- Я тоже надеялся на это. Но вот посмотрел матч Словения - Россия. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения, мой друг! Такого позора еще не было. Тогда-то у меня, видимо, и повредился рассудок.
- Но нам остаются воспоминания, - сказал я профессору, - о славных временах, которые в прошлом. Я, скажем, никогда не забуду, как я полуголодным студентом явился к профессору Шику, и он приютил меня при кафедре.. Поверьте мне, Филипп Филиппович, это значит и сейчас для меня очень много.
- Да, голубчик мой, в этом, пожалуй, вы правы, - согласился "профессор" и поднялся мне навстречу, - вы растрогали меня. Спасибо вам. Ведь в сущности я так одинок.. От Севильи до Гренады..

Шахматный набор

И в грустных историях есть свое очарование. Ведь они "заставляют задуматься", как сказал герой "Обыкновенного чуда". Наша история будет как раз из разряда таких.

Шахматный набор.. это словосочетание у Егора ассоциировалось с большими, гигантскими шахматами, которые он увидел еще в детстве, на одном из крымских курортов. Тогда Крым еще был доступен, и никаких споров между суверенной, самостийной Украиной и Россией не было и в помине. Шахматы украшали большую набережную, и в их фигурах маленький Егор мог мечтательно затеряться. Они казались знакомыми, дружественными.

В большом просторном зале на втором этаже санатория происходило нечто невиданно доселе - шахматные соревнования. Егору прежде всего запомнилась атмосфера их, тот серьезный настрой, который царил здесь, на втором этаже, и который так понравился Егору. Не было места злым шуткам, саркастической иронии и тому подобным банальностям, из которых,

увы, состояла обыденность, с которой приходилось сталкиваться. Это было настоящее соревнование достойных соперников, и Егор чувствовал, что может быть на равных принят в этот спортивный мир.

Помня об этом первом детском впечатлении, в один прекрасный осенний день он пошел и записался в шахматный клуб, благо там объявлялся набор детей как раз его возраста. По благоприятному стечению обстоятельств, клуб находился недалеко от его дома. Все вокруг было знакомо - и люди, и дома, и даже осенние листья, покрывавшие землю. Помещение клуба было маленьким, уютным. Кроме Егора, сюда записалось еще с десятков юных шахматистов. Прежде всего остального Егор заметил, как разительно отличались они, их поведение от всего того разнообразного, разношерстного мира, что он видел в школе. В школе происходили невиданные в Отечестве вещи, о которых Егор пытался не вспоминать здесь. Кроме того, Егор никак не мог понять, взять в толк мотивы поведения бедных разумом "школяров". Он удивлялся, как они еще способны к изучению наук, как их бедный разум может воспринять те зерна знаний, что пытались в них посеять терпеливые преподаватели. Ведь, и это было ясно, интересы у них были ну совершенно другие. Поколотить для собственного удовлетворения или унижить своего одноклассника для них было любимым развлечением. Они напоминали Егору игривых животных, которых занимает движущийся предмет или человек, но которые никак не могут осознать, что же происходит с ними самими, какие силы или инстинкты движут ими.

Посещающие шахматный клуб дети казались Егору совсем другими. Или им так удавалось сдерживать себя, или в самом деле они были человеческими по своей природе, - неважно, главное, что Егор чувствовал себя здесь вполне уютно и сносно. Обычно все внимательно следили за Александром Семенычем - преподавателем, который объяснял на доске и расставлял шахматные комбинации. Егор одним из первых угадывал направление атаки, и Александр Семенович поощрял эту его догадливость, выделял его перед остальными учениками. Мелово-белые и черные фигуры занимали свои места на доске - это значило - одна из классических или известных партий и новое решение, новый комбинационный взгляд, новые геометрические перемещения слонов, звездообразные каверзы ферзя, мощный трубный напор ладьи, занявшей ту или другую вертикаль, прыжки коня. В завершение занятия все записывали домашние задания. И придя домой, Егор первым делом брался не за постылые школьные учебники, а за тетрадку с ними, и вот уже расставлял на доске увесистые шахматные фигуры, налитые с исподу обычным магнитом. В этот вечер ничто не могло, не имело права отвлечь Егора от его занятия. И одно за другим возникали разноплановые решения. Нужно было прежде всего угадать, какая идея объединяла все задания. И мысль о правильном ответе приходила посреди собрания других догадок, и ровным светом как будто озаряла комнату. Это значило - решение найдено, труд осуществлен. Были, разумеется, не только показы комбинаций на большой доске, но и игры и сеансы одновременной игры, которые давал Александр Семенович. Ребята аккуратно записывали свои ходы в тетради, но чаще всего неизбежно проигрывали, и Егор уже по одному виду торжествующего в душе преподавателя понимал, что положение дел и позиции ребят в игре не завидные. Во время одного из таких сеансов Егору удалось одержать победу над Александром Семенычем. Преподаватель избрал довольно редкое начало, которое не обещало белым легкого развития и преимуществ. Егор верно вывел свои фигуры на удобные позиции, воспользовавшись тем, что белые позволили ему это сделать. Кроме того, он завладел инициативой - одна из его центральных пешек уверенно перешла границу середины шахматного пространства и забежала далеко вперед, на третью горизонталь белых. Александр Семенович недооценил такого перемещения пешки. Его фигуры как бы оказались в тупиках - каждая в своем. Естественно, у него был набор известных ходов, но каждый из них никоим образом не улучшал позицию белых на доске. В то же время шахматный набор Егора развернулся основательно, - два коня один за другим вступили в игру. Они добрались в два хода до позиций, прикрывавших неприятельского короля, и организовали нешуточное давление. Александр Семенович проиграл ладью. Он заметил это еще за ход до

происшествия и покачал головой - ведь эта была его оплошность в дебюте, ошибка, которую не обязательно было допускать. Александр Семенович задумчиво сделал ход, и перешел к другим доскам. Егор еще раз обдумал создавшееся на доске положение: все правильно, ладья уходит в "фонд клуба". И когда Александр Семенович, завершая свой круг, опять подошел к Егору, он уверенно двинул пешку вперед. Ферзь и ладья растерянно взирали друг на друга, неповоротливые, стесненные своими фигурами, словно бы непонимающие, что это с ними, такими дружными на первой горизонтали, могло произойти.

- Да, проигрывается ладья, хм.. - сказал Александр Семенович. Однако он не сдался сразу же в дебюте, а предпочел продолжить игру, надеясь, видимо, на то, что Егор тоже допустит ошибку.

Сосед Егора, сидевший за столиком справа, заинтересовался его партией уже больше, чем своей, верно, проигранной.

- Ты можешь выиграть, - сообщил он, - да, в самом деле.

В его голосе звучало большое удивление. На доске между тем настало успокоение. Егор отвел свои фигуры на безопасные позиции, заботясь прежде всего о гармоничном развитии тех, что немного отстали за время последней атаки. Александр Семенович тоже не ринулся вперед, очертя голову, но двумя-тремя движениями подготовил для белых наступательный плацдарм.

- Можно сейчас провести размен, - подсказал Егору его сосед (его звали Алексей), - будет попроще.

Егор сам не видел размена, и основательно задумался. Он обдумывал один ход, который мог бы облегчить положение черных, и сначала недоумевал, какой размен можно предложить в этой ситуации. Но вдруг словно в сиянии возникло перед ним на доске движение коня, приводящее к размену фигур - ладьи и коня. Еще минуту Егор думал над этой комбинацией, и решил в самом деле прислушаться к совету Алексея..

Обыкновенный белый слон
гордился тем, что белый он:
"Видна порода у меня!" -
слон был разменян на коня.

Соперники сделали еще несколько ходов - угроза - защита, угроза - защита. И вот Александр Семенович улыбнулся и поздравил Егора с победой. Это событие вызвало вздохи и шепот сидящих справа ребят. Видно было, что они стали свидетелями редкого случая.

Весной следующего года Егор получил право играть в настоящем серьезном турнире. Перед началом первой партии он основательно готовился, даже пил шипучие витамины. С надеждой наблюдал за тем, как белый диск растворяется в кружке, и думал о тех интересных партиях, которые предстоит ему сыграть.

Первую игру по жребию ему предстояло сыграть с Алексеем, который также был допущен к участию в соревновании. Егор играл белыми. Благодаря гармоничному развитию фигур он добился главного, о чем думал перед партией, - не отдал инициативу Алексею, который чувствовал себя в атаке как рыба в воде. В центре доски сложилась сложнейшая ситуация, клубок которой первым распутал Егор. Одна за другой стали исчезать с доски центральные пешки Алексея, а фигуры Егора вышли на выгодные для белых позиции. Алексей потерял не только пешки, но даже и мечтать не мог о контратаке. Он сделал еще один неудачный ход, и потерял слона. Видно было, что Алексей огорчен таким основательным подходом Егора к игре. Легкой победы не случилось.

- Странно, - заметил Алексей, рассматривая доску, - обычно ты проигрывал мне, а в соревновании оказался на высоте.

Алексей был разочарован, но Егор воспринял эти его слова как похвалу. И было много еще других игр, и простых, как та же геометрическая задача, и сложных, как непонятная формула из курса математики. Егору весьма запомнилось это соревнование..

Теперь Егор шел на другой - показательный - сеанс одновременной игры. За школой, находящейся далеко от его дома, проходил этот сеанс. В нем участвовали какое-то "городские" шахматисты. Прямо за корпусом были расставлены столы, на которые организаторы водрузили доски. Егор занял место за одним шахматным набором. Была осенняя погода, дул ветер. "Городские" шахматисты ежились и осторожно делали свои ходы. Был здесь и Алексей. На его доске и на доске Егора завязалась борьба. Егор видел, как его соперник одну за другой выдвигает свои фигуры на сильные позиции на королевском фланге, сдвигает ладьи. Однако несмотря на то, что черные были довольно стеснены, Егор (уже почти не замечавший, что происходит на соседней доске, где Алексей, похоже, проигрывал), нашел удачный ход конем, который изменил картину в целом. Картину, которую не видел его оппонент. Теперь белые вынуждены были отступить, а следующим ходом они не только теряли преимущество, но и проигрывали качество. Весь план белых оказался раздутым как мыльный пузырь. Ничего не было в нем, кроме идеи лихого кавалерийского наскока, попытки задавить черных массой своих ладей и ферзя. Это так ясно понял в тот момент Егор, и ему стало жаль своего соперника, который вместо того, чтобы достичь желаемой легкой победы, будет теперь еще, верно, долго бороться за ничью. Однако произошло нечто непредвиденное. Его соперник, одетый в легкую модную куртку, произнес несколько малознакомых фраз, в которых можно было разобрать только - "проиграл" - и неуловимым и страшным движением бугристого пальца сбил с доски короля черных, а за ним - и большинство фигур.

Егор был ошеломлен. Он смотрел на доску, где еще недавно была игра, и которая теперь была разрушена одним ударом костлявых пальцев, и думал о том, как хрупок его мир, возведенный с такой заботой. А соперник его уже что-то громко кричал своим приятелям, возбужденный (партия, которую он играл с Егором, была последней). И удивительно, эта страница шахматной жизни была последней в блокноте Егора. Больше его не видели на крупных шахматных соревнованиях. Впрочем, может быть, все еще можно исправить, подлатать, починить действительность. И шахматный мир, величественный, прекрасный в своей основе, вновь вдохнет жизнь в простой шахматный набор, с которым так недалеко видно обошелся последний соперник Егора.

Линия перемены дат рассказ

Обзорный доклад, лежащий у меня на столе, гласил: "зона "а" представляла собой вертикальный цилиндр диаметром 11 целых и 8 десятых метра и высотой семь метров. Весь этот объем был заполнен кладкой из графитных блоков общей массой чуть меньше двух тонн: через цилиндрические отверстия в каждом из них были проложены каналы с водой. На периферии зоны "а" были расположены те же графитные блоки, но без каналов и отверстий. Они опирались на плиту из металлоконструкции и сверху были закрыты другой подобной плитой. В одном из каналов зоны были размещены кассеты с ядерным топливом - ураном - в твэлах - пустотелых цилиндрах из циркония с примесью одного процента ниобия диаметром соответственно около тридцати сантиметров и высотой около трех с половиной метров. Тридцать шесть таких твэлов собирались вместе и затем вставляли сь в центральный канал. В других каналах, заполненных водой, перемещались стержни - поглотители; вода подавалась в каналы двумя циркуляционными насосами под давлением семьдесят атмосфер. В зоне "а" вода быстро нагревалась и вскипала, пар отводился в верхнюю часть каналов и поступал в четыре барабана - сепаратора - огромные горизонтальные цилиндры длиной около тридцати метров из стали французской фирмы "Король Луар". Затем пар по паропроводам подавался на две турбины и конденсировался в воду, - эта вода которую называли питательной, насосами опять подавалась в барабаны - сепараторы и поступала опять в циркуляционные насосы. Реактор четвертого блока можно было сравнить с печкой, хотя горение урана поддерживать несколько сложнее, чем горение

дров. При этом динамику горения показывал коэффициент K ; при K равном одному горение было постоянным, при K больше одного - возрастало, при K меньше одного - стремилось к прекращению. Горение контролировали при помощи названных стержней - поглотителей с подвешенными под ними вытеснителями воды - алюминиевыми цилиндрами около четырех с половиной метров в длину, заполненными графитом, которые охлаждались затем водой независимого контура. Обычно зона "а" функционировала со всеми "погруженными" стержнями и лишь после некоторого выгорания топлива они выдвигались наружу. Некоторое влияние горение оказывало и на качество стержней - поглотителей и на материалы элементов контура охлаждения, такие процессы называли "отравлением реактора". В первую очередь речь шла о ксеноновом отравлении, приводящим практически в любом случае к затуханию реактора.

Днем двадцать пятого апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года остановка блока была задержана. " .. конец рабочей недели, вторая половина дня, потребление электроэнергии растёт" - так объяснил свое требование диспетчер "Киевэнерго".

23.10 Диспетчер снял свой запрет, снижение мощности было продолжено.

26 апреля

0.28 Зарегистрировано резкое падение мощности - "ксеноновое отравление"

1.00 Мощность - по причине того, что все стержни были выведены из зоны "а" повышена до двухсот условных едениц - больше чем в пять раз. Однако повышение мощности не устранило отравления.

1.07 Удалось увеличить поток воды через каналы, но резко опустился уровень воды в барабанах - сепараторах, снизилось паро-образование; пара становилось меньше, реактивность падала.

1.19 Поскольку уровень воды в барабанах - сепараторах стал опасно низким, оператор увеличил подачу питательной воды (конденсата). Одновременно персонал заблокировал сигнал аварийной остановки реактора по недостаточному уровню воды.

1.19.30 Уровень воды в сепараторах стал расти. Однако теперь из-за притока относительно холодной питательной воды парообразование практически прекратилось

1.19.58 Закрылось автоматически устройство, через которое излишки пара раньше стравливались в конденсатор.

1.22.45 Содержание пара выровнялось, давление стало медленно расти; решено было приступить к эксперименту (попыткам получить дополнительную энергию за счет увеличения продолжительности функционирования реактора.

1.23.10 Поток воды через каналы уменьшился, охлаждение зоны "а" стало слабее.

1.23.40 Начальник смены дал команду аз - 5 - сигнал максимальной защиты, по которому в зону немедленно вводятся все стержни - поглотители; практически все стержни из крайнего верхнего положения одновременно пошли вниз. Но стержни остановились, пройдя лишь два - три метра. Оператор отключил удерживающие муфты, чтобы стержни упали под собственной тяжестью, но они уже не шевелились. Впрочем, вытеснители дошли до низа зоны "а" и вытеснили из каналов воду.. произошел почти мгновенный скачок парообразования.

1.23.43 Показатель K превысил единицу и резко взмыл вверх; "сработали" еще две системы автоматической защиты - по уровню мощности и по скорости ее роста, но это ничего не изменило, так как сигнал аз - 5, который посылали каждая из них, был уже дан оператором"

1.23.44 Мощность реакции в сто раз превысила номинальную.. твэлы раскалились, частицы топлива разлетелись и застряли в граните.. давление продолжало расти.

1.23.45 Это был момент первого взрыва. Давление пара разрушило часть каналов и паропроводы над реактором.. накрывавшая зону металлическая плита весом около тонны стала приподниматься, воздух устремился в активную зону, раздался новый взрыв,

разрушилось перекрытие реакторного зала.. около четверти графита и часть топлива были выброшены наружу, горячие обломки упали на крышу машинного зала и в другие места, образовав более тридцати очагов пожара.

1.30 По сигналу на место аварии выехали пожарные части из Припяти и Чернобыля".

Я еще раз посмотрел на стол. Под оранжевым колпаком горела лампа. Строки казались слабым сочинением, сочинением, однако, без пунктуационных ошибок. Все было у меня впечатление, что повторяется какая-то старая история с недорогими, будто купленными в комиссионном магазине, эффектами, манерная, глупая, в которой одно за другим происходили псевдо-события, которых не хватало до полноты картины и в которой не было ничего нового - все очень напоминало неприятную продолжительность сна, где все кажется ошибкой, реверсию времени, будто бы сбившегося с пути, противную законам человеческим, с таким же успехом все это могло происходить на другой стороне луны. Но жизнь не уходила из города, напротив - зелень лесов, его окружавших, казалась поспешно изготовленной театральной завесой, напрасно приготовленной. И - как важно подобрать точное слово - одновременно все казалось святым, точно здесь и сейчас происходили последние приготовления к другому, почти невысказанному прежде, очень важному делу. Жизнь была в окнах последних этажей - как заря нового дня, в лицах идущих по улице детей - неизмеримо явственнее, нежели в лицах взрослых, в лучах на стеклах автобусов и такси. Только мы видели это светлое небо в пять утра, необыкновенное как несбывшаяся мечта, преданная, но осязаемая, несмотря на ненависть, ее окружавшую, все еще осязаемая - только рукой подать. В апреле растает лед. Скоро должны расцвести нежные зеленые бутоны. Потом наступит май, теплый, с молочными вечерами. Люди встретят рассвет, солнечный салют.

Будет бежать река. Согреться стены от теплого солнца, небо будет ясным, голубым, а вечером в небе - счастливые звезды, и будет далеко до зимы и осени. Когда начнется дождь, задрожат стекла, все в росе и свете, и страшно будет взглянуть на небо - чтобы не вспугнуть счастья, и в окно будут стучаться листья. Поверьте мне, никто не расскажет вам о счастье больше, чем я. Будет гаснущий узор лип и кленов, и летние дни будут глядеться в вечность. Так, линия перемены дат - это не черта, равняющая всех, это, может быть, причина моей любви, причина во времени.. это глагол, дрожащий в вечернем гроте, это выходящее из-за домов солнце, это трепет не терпящей предсказания жизни. И это весна, чудесная, со свежим запахом хвои, с волшебным круговоротом талой воды, с озерами, с домами, где даже моя бедная память может найти свой приют. Это ливень на высокой лестнице, поднимающейся от реки, на каждой ступеньке - ручьи. Божественный дождь и улицы в просвете деревьев.

Можно было спросить меня - "Зачем придумывать небылое?" - и я бы ответил, что не хотел бы жить по-другому: меня не интересуют множество сценариев, придуманных раньше меня. Они не больше, чем пузыри на этих ступеньках, бусинки, капли на карнизах.

Разве мы думали, что так все сложится? Разве мы думали, что так все получится? - никакая пленка не могла бы удержать этого, пленка истлеет и не удержит воспоминания - это ясно. Я не могу смотреть проще, не могу смотреть и н а ч е, я не могу вычесть себя из мира, а чего, казалось бы, проще простого арифметического действия. Но как слабый вереск стелются по земле человеческие жизни, и разве я больше, чем идущий среди них человек, человек в толпе, и разве я тоже не вижу синий край облаков в белом небе. А ведь ничего не изменилось, хотя много животных, и отвратительных растений, и птиц уже окружили город, - они-то не забыли ничего. Но - слава Богу, что хоть было и вот так, что теперь не напишу всеобъясняющую книгу, не стану выстраивать из слов загадку.. Итак, субботнее утро, город, море огней внизу. На площади мокро и пусто, и девятого не будет парада. Я зашел в первый попавшийся дом, потому что было холодно. Город как будто постарел за ночь .. старость налетела на город, налетела с птицами, глядящими из черных лесов настороженно. Центральные улицы пусты, светофоры мигают желтым, первые трамваи проходят под окнами фабрик. Я могу еще здесь находиться - дело в том, что я как бы приобрел этот незамеченный иными день - всего один день, не

замеченный журналистами, один день, отданный моей прихоти автора, не любящего лишних склонений его имени.

Мое воображение уже населило его самыми разными людьми. Удивительно - у каждого из них есть своя профессия, своя судьба. Как быстро, как деловито принялись они обставлять, обустроить только что созданный для них мир! - их трудолюбие кажется мне безпримерным, да, безпримерным. Я вижу, как они, не спеша, идут по улицам, направляются к месту работы - и мне не хочется выдумывать отрицательного персонажа, который, сделав ряд глупостей, столкнулся бы с любящим героем (Ланцелотом) и потерпел бы, разумеется, поражение. Так стелются, стелются по земле человеческие жизни. Выбора не было - не было пыльных тропинок на далеких планетах, и планет, к счастью, тоже. И это вовсе не грустно, ибо там и не происходило ничего. Писателю нельзя летать ни на известную германскую возвышенность, ни на допотопные планеты - ничего интересного увидеть там не удастся - и печку корабля-путешественника, скорее всего, топить там нечем. И там не блещут под дождем трамвайные пути, и не горят на высоте, отражаясь в лужах, огни подъемных кранов. Там не захочется любить весь мир, не захочется строить улицы, дома..

Я стою у окна. Из окна видно все: серебряный бор, стрелу моста, телебашню. Внизу спускается лифт, открываются стеклянные двери, едет автобус. Иглы звезд больше не висят над городом, авария тоже лежит в прошлом, как талый снег на обочинах дороги, и ты понимаешь, что впереди - лето, что все стало ясным, недвусмысленным, и что больше не будет ненужных и глупых снов.

Омск, 23 января 2004 года

Правда о механическом младенце

Кто о чем, а мы - расскажем о будущем. Ведь именно тогда и могла произойти эта необыкновенная история.

началось все с того, что в одном из провинциальных, но тем не менее известных институтов, аспирант, учившийся у профессора Ермеева подошел к тому с удивительным предложением.

- Профессор, - сказал он, и вы, и я знаем, что современная наука достигла необыкновенных высот. Мы можем создавать очень сложные механизмы, которые приводятся в движение мини-источниками энергии. Они широко используются в быту, на предприятиях. Они подчас до того маленькие, что напоминают чудо.

- Все это так, но к чему вы клоните? - спросил профессор.

- Странно, как до сих пор никому не пришла мысль создать организм, который во всем напоминал бы человеческий, - во всяком случае, внешне, а был движим исключительно энергией, которую в него бы вложили. Я говорю о так называемом "механическом младенце", о которых писали еще классики.

- Но мне всегда казалось, что это лишь мечта, метафорический оборот, - ответил профессор.

- О, что вы, нет, эта идея осуществима. Позвольте мне заняться ею, и мы преподнесем научному сообществу такие результаты, которые двинут науку вперед.

Профессор немного подумал и .. разрешил. В лаборатории, которую выделили молодому ученому, закипела работа. Задача была - создать младенца, внешне похожего на человека, но движимого силами, которые в него бы вложила наука. Задача предстояла не такая сложная, как казалось на первый взгляд. От ученого ведь не требовали чтобы младенец развивался, превращался в подростка, юношу. Нет - достаточно было создать опытный экземпляр, пригодный для функционирования в человеческом обществе. Задача показалась ученому крайне интересной. Еще бы: ведь это был бы почти человек. Он мог бы сосать молочную смесь, говорить "Агу-агу", кроме того, ему не нужны были подгузники и игрушки, - ведь зачем механическому младенцу развлекаться и играть? Нет, игры для него предусмотрены только те, что могли бы потешить его потенциальных владельцев, например, развеселые

прыжки в высоту. Такой младенец даже мог бы играть в шахматы, - подумал молодой ученый, - но, так как подготовка к изготовлению шла в большой спешке, позволением тех, кто создавал шахматные программы, заручиться не удалось. К тому же, для этого требовалась бы сложная система распознавания фигур на доске - не станешь же помещать на младенчике табло, которое бы показывало ходы.

Были изготовлены шарниры для ножек и ручек. Сложнее всего было с шеей - младенец должен был ее поворачивать в разные стороны и удерживать свою головку. С большими усилиями достигли того, что она поворачивалась на сто восемьдесят градусов. Младенец был почти готов. Осталось только приспособить глаза, которые получились просто отличными - вращались в своих орбитах в пределах, дозволенных их создателем. Вместо языка у младенчика было разговорное устройство, помещавшееся там, где положено ему быть. Очень много работали над голосом младенчика. Он должен был выглядеть естественно, напоминать детский, так чтобы у никого и подозрений не возникло, что говорит - не человек. Власти распорядились выделить молодому ученому с десятков детей. На протяжении двух месяцев самый лучший из них терпеливо и под надзором произносил приготовленные реплики. Все они были записаны на диск, размещавшийся на спине младенца. Правда, теперь младенец не мог кланяться как следует, но в сущности, если подумать, зачем младенцу это умение кланяться? Он и так хорош. Особым достижением молодой ученый считал то, что ему удалось заложить в лабораторное существо еще и записывающее устройство. Суть его была вот в чем - каждый день, от восьми часов до одиннадцати, оно записывало все слова, которые слышало бы от окружающих. Затем слова тщательно анализировались, из них выделялись наиболее употребительные, так что младенец мог при желании разнообразить ими свою речь. Они включались либо в простые предложения "хочу.. ", "дай.. ", " .. мне", " .. тебе", "иди.. " либо в более сложные "я чувствую себя .. ", "я думаю, это все .. ", "Мне всегда казалось, что это.. ", "Я полностью согласен, - это .. " либо вовсе произносились отдельно. Причем слова вставляли на заготовленные позиции не случайно - ученый позаботился о том, чтобы была учтена эмоциональность разговора. Например, если младенчику говорили что-то шутовское, он должен был засмеяться и произнести слово, которое услышал в подобном эмоциональном (в данном случае "шутковом") разговоре. Если младенчика за что-то укоряли, ругали, он должен был оправдываться теми же словами, которые вложили в него взрослые. Если у младенчика спрашивали, выполнил ли он задание, уроки (младенец в школу не ходил - вообще его способности к передвижению не были превосходными, но все окружающие могли делать вид, что он выполняет какие-то задания - это было что-то наподобие игры), он должен был отвечать с использованием слов, которые слышал при предыдущих наставлениях чаще всего. Итак, работы были завершены, и на прилавках появилась пробная партия механических младенцев. Особенно они заинтересовали тех супругов, у которых по Бог весть какой причине еще не было детей. Ученые ведь утверждали, что механический младенец - прекрасный тренажер для молодых (кстати, по просьбе ученых, некоторые модели механических младенцев метали и экскременты - для того, чтобы создать ощущение действительности). Теперь рассмотрим, что происходило, когда кто-то приобретал механического младенца для своих нужд.

Оказалось, что такой младенец вел себя крайне беспокойно - как по программе, держал в тонусе своих владельцев весь день. То ему нужно было подавать кашу или смесь (а если младенец не получал этого, то ревел как настоящий), то развлекать играми (за которые младенец, впрочем, принимал любое движение перед своими глазами - так что некоторые владельцы исхитрились до того, что сажали младенца перед экраном телевизора, на котором мелькали фигуры, и таким образом выкраивали себе несколько часов для отдыха), то водить на прогулку - младенец бдитительно замечал, что находится долго в тесном помещении, и своим голоском требовал, чтобы его вывели гулять. Одним словом, он был почти во всем похож на обычных людей. Разве что не общался со своими свестниками и двигался как-то странно - вразвалочку, медленно, берегая свою энергию. Впрочем, для механического

младенца был предусмотрен и энергозатратный режим. В таком случае, когда был активизирован этот режим, младенец выполнял следующие действия. Во-первых, дико кричал, так что повергал в состояние легкого шока всех соседей в округе (ученые немного не рассчитали силу крика). Во-вторых, прыгал аки молодой козлик, резвясь по квартире и сметая все подвернувшиеся под руку предметы (так что держать механического младенца слыло за удовольствие дорогое). В-третьих, он совершал мгновенные пробежки по предоставленному ему пространству, в самых бессмысленных направлениях. Такой режим повышенного потребления энергии был заложен в младенца и включался автоматически раз в день. И он был бы совсем неудержимым, если бы создатели предусмотрительно не вложили в него функцию подчинения имени. Именем, кстати, младенца можно было наречь практически любым - такая функция была выведена на переднюю панель управления. Скажем, младенца назвали - Илья. И вот стоило какому-либо из двух владельцев игрушки (а их было двое, и только их команды слушался младенец) строго окрикнуть своего подопечного - "Илья! Учи уроки, я сказал" или что-нибудь подобное в этом духе - как внутри существа переключался тумблер, и оно шло "делать уроки", вернее, делать вид, поскольку все данные уже были заложены внутрь дитяти его создателями, а учиться и воспринимать новое оно было уже не способно.

Как в любой новинке, здесь были допущены свои просчеты, о которых не думали ученых. Во-первых, ахиллесовой пятой младенца стали прыжки. Они явно истощали его энергию. Младенца приходилось заряжать несколько раз на день, чтобы он мог продолжать по-прежнему функционировать. Во-вторых, часто употребительные слова. Оказалось, что в среде ученых, которые готовили этот проект, они одни, а среди обывателей, который давно не касались власти будущего, - другие. Причем за слова младенец принимал и довольно нелицеприятные выражения, не имевшие никакого отношения к литературному языку, которому его обучали его создатели. Стоило младенчику вставить такое бранное выражение в совсем невинное на вид предложение, заложенное как основа, и оно приобретало устрашающее значение. Таким образом, под влиянием внешних обстоятельств, речь механических младенцев все более становилось дикой, ожесточенной. Такой ведь была и вся обстановка, которая окружала их. У человека были еще заложены силы, чтобы сопротивляться этим веяниям времени и грубости взрослых. Но механический младенец - то была поистине "табула раса", на которой можно было написать все, что придет на ум его владельцам. Некоторые оригиналы учили младенца кусаться, драться, пуская в ход свои маленькие кулачки. Некоторые - нарочно наговаривали в уши младенчику как можно больше обидных, ранимых фраз, чтобы смотреть потом, как младенец их "переварит" и будет в будущем бессмысленно, "на автомате" повторять. В самом деле, вы ведь замечали, что вокруг вас живут разные люди и не всех из них следует считать образцом порядочности и добродетели.

Благодаря луженой глотке младенец был неперекрикиваем, благодаря заложенным в него шарнирам - двигался плавно и безшумно, почти как пантера. Его функции были известны, но иногда возникал сбой - и тогда младенец вдруг без причины принимался гулить, визжать, восклицать, петь. В этом разе его мог остановить только более мощный крик владельца - "Илья!!" Постепенно младенец набирался опыта, и его фразы становились более сложными и витиеватыми, лексикон его - все более разнообразным. Некоторым это очень нравилось. Теперь младенец мог воспроизводить их собственные слова и тайные пожелания своим мелодичным голоском, так, как будто хотел это сказать сам. Этому младенцу позволялось даже оскорбить ненароком нежеланного соседа - все равно никакой ответственности за его поведение не было еще предусмотрено.

Глядя на него, и взрослые стали себе позволять такое, до чего раньше не могли бы додуматься. Они так же кричали, прыгали, басили. Ведь если механическому младенцу не предусмотрено никакого наказания за его безобразное поведение, то какое наказание может поджидать настоящих людей?

Спустя месяц после начала пробной продажи профессор вновь встретился со своим аспирантом (благодаря механическому младенцу, впрочем, ставшему уже кандидатом).

- Не прав ли был я, когда говорил, что большой пользы от этого не будет? - спросил профессор, - вы получили экспериментальное существо, которое унаследовало пороки человечества, но не его достижения.

- Признаю, я ошибся, - согласился аспирант, - но я не подозревал, насколько жестоки могут быть люди, и сделал младенца слишком восприимчивым ко всему, что происходит вокруг него. Наверное, следовало, наоборот, привить ему известную черствость и равнодушие.

- Все потому что вы выросли у нас при кафедре, - заметил профессор, - и не заметили насколько в не лучшую сторону изменился мир. Батенька, да ведь они совсем забыли об ответственности, о том, что представляет собой воспитание, о том, что такое жизнь в человеческом обществе! Вы не виноваты - всему виной наше время, в которое процветают своекорыстие, безудержная наглость и безумие.

- Я и сам задумывался об этом, - еще раз согласился аспирант. - Но вот какая мысль: если эти люди не могли управлять механическим младенцем, то что же станет, если к ним в лапы попадут живые?

Профессор и аспирант уставились друг на друга да так и остались стоять как генералы из сказки Салтыкова-Щедрина.

Друг

Как неожиданно порой меняется настоящее.. В прекрасный весенний день, дышащий воздухом и цветами, отражающийся синими кучевыми облаками в лужах на площади, Марк из Роттерберга познакомился с Эльзой. По правде говоря, он и раньше видел ее - работали вместе в одном учебном заведении - но подлинное знакомство состоялось именно в этот день, наполненный воздухом и светом. Эльза была первой, кто внимательно слушал рассказ Марк, который что-то долго говорил о своих переживаниях и заботах. Эльза сочувствовала Марку, и это было чудом в городе, где рациональность и расчетливость человеческая довели над всем остальным.

С тех пор они стали бывать вместе в людных местах, смотрели кино, совершали быстрые прогулки по улицам того города, где работал Марк и где жила Эльза. Их появление в этом маленьком городе не оставалось незамеченным. Люди смотрели на них с интересом, как на пару, и даже липы едва заметным дрожанием листьев, казалось, приветствовали их, когда они проходили под их волшебной сенью. С Эльзой Марку не нужно было утруждать себя собственным существованием. Она понимала все, и не только выслушивала Марка, но и развлекала его своими рассказами - об общих знакомых, с которыми они вместе работали, о своем прошлом.

Но совсем не так представлял Марк объяснение, которое состоится, должно было состояться между ним и Эльзой. Правда, поведение Эльзы не давало ему больших оснований для подробной разработки тщательного объяснения, но, как известно, надежда всегда живет в человеке, даже если другие не питают ее никоим образом. В тот день все сложилось неудачно для Марка: во-первых, Эльза его пригласила не в гостиную, как это обычно бывало, а предпочла говорить не кухне. Не самое романтическое место для разговора между Марком и Эльзой.. Она кормила Марка каким-то супом (это Марк почему-то запомнил больше всего) и рассказывала о том, что увидела и что пережила за день.

Она говорила о каких-то молодых людях, которые шутили и подтрунивали над ней и удивлялась тому, как легко они относятся к жизни.

- Впрочем, наши с тобой отношения тоже такие, - заметила Эльза невзначай, - ведь ты не собираешься мне делать серьезного предложения?

Марк ненадолго задумался. Возможно, слишком долго продержалась пауза в воздухе. Но Марк сказал:

- Может быть.

И сразу почувствовал, - словно невидимая стена отталкивания возникла между ним и Эльзой. Она сказала:

- Вот это да. Марк, я всегда думала, что ты будешь для меня другом. Другом. Но не больше.

Марку показалось, словно пространство кухни и свет за окном треснули напополам. На одной половине была его возлюбленная - Эльза, а на другой - он сам.

- Не знаю, Эльза, - сказал он, - твои слова вроде бы разумны. Но влюбленность моя - она все еще не проходит.

- Ну это уж ты сам виноват, - ответила Эльза, нахмурившись.

Марк в самом деле почувствовал себя виноватым в том, что так вот заговорил, обезпокоил Эльзу, у которой и так было много хлопот сегодня. Но если влюбленность - не пустое слово, значит, в его словах тоже был смысл.

Марк возвращался от Эльзы днем, но город, многое вокруг уже стремительно теряло смысл. Как будто во сне перед пробуждением, вот как чувствовал себя Марк. Какой-то мужчина бессмысленно побежал к своему дому. На углу голуби с тупой бессмысленностью клевали зерно, причем их движения повторялись как в замедленной съемке. Дома утратили всякий смысл и выражение, и было трудно подумать, что там, внутри и х, тоже живут люди со своими заботами и делами.

Марк не помнил как оказался на широкой улице, заканчивающейся мостом. Что там, на другом его краю, какие пределы? - мимолетно подумал Марк, видевший мост этот всегда только с одной стороны. Появилась мысль - он должен ехать в Роттерберг, там он увидит знакомые предметы, вещи, сосновый бор и жизнь снова обретет узнаваемые черты. Марк боялся одного: сойти с ума. Этот день был такой странный, и все в его жизни - его жизни! - получилось так нелепо.. это объяснение с Эльзой, которое так не похоже было на киношные признания. Марку подумалось, что счастливы могут те люди, которые повторяют в судьбе стандарты романного действия. Они не отступают от шаблона, они прагматичны. За полгода думают о предложении, ухаживают за своей пассивностью по принятым в обществе законам, и благополучно вступают в брак, не отягощая себя теми мыслями, которые досаждали Марку. Такими были соседи Марка в Роттерберге - молодые Ганс и Анна. Но Боже, как была скучна их жизнь, как далека от той романтической, светлой влюбленности, которую Марк испытывал по отношению к Эльзе и которая наполняла новым смыслом его жизнь. Теперь Марк стоял в нерешительности на обочине дороге, переминался с ноги на ногу - будто забыл, как ходить и что делают люди, когда хотят остановить машину. Марк подумал, что может поехать в Роттерберг на такси - благо его родной город располагался неподалеку. И в самом деле, словно в волшебном сне, такси остановилось и предупредительный водитель поинтересовался, куда Марк держит путь.

Марк назвал город, водитель согласно кивнул:

- Только до вокзала, - сказал он, - у меня еще дела.

Марк не стал спорить с водителем - вообще сил у него осталось мало в этот день - и забрался в машину. "Фольксваген" тронулся, и, набирая скорость, водитель присматривался к Марку: молчалив, несловоохотлив, может выкинет какой фортель?

- Вот. Я сейчас заплачу, - сказал Марк и протянул водителю слегка помятые купюры (Марк вообще не заботился о том, чтобы как-то организованно, расчетливо, как другие, хранить ассигнации).

Эльза, почему ты так? ведь все было так, словно должно случится что-то хорошее, важное..

- Эльза, кто это? - раздался голос водителя. Марк не заметил, как сказал последнее предложение вслух - жена или подруга?

- Подруга, - грустно ответил Марк.

- Вот оно как.. Не расстраивайся, - водитель, как и большинство встреченных Марком на жизненном пути, любил поговорить со случайным попутчиком, - мало ли подруг..

"И друзей", - подумал Марк. Весь вопрос в том, что он хотел стать Эльзе больше, чем другом, хотел, чтобы Эльза всегда могла быть недалеко от него, чтобы она не оставалась одна в этом мире. Марк видел, как она в сущности одинока, и мысль о том, что она будет, может быть,

искать понимания у чужого ей человека, думающего о своих интересах, была ему невыносима.

Машина плавно повернула на дорогу. В свете фар осветилось ее полотно. Марк сидел неподвижно, словно боясь расплескать воспоминание, бедное, слабое воспоминание о случившемся между ним и Эльзой разговоре. Марку казалось, что именно этот разговор еще держит его в действительности, не дает погрузиться в отчаяние, которое так ему было знакомо. Быстро, как сама плотная асфальтовая дорога, пролетели минуты, проведенные Марком в пути. Вот уже показался старый вокзал Роттерберга. Марку он показался необыкновенно маленьким - словно состарился за день. Вокзал был достопримечательностью города, на которую любили смотреть туристы. Но сейчас этот вокзал, и город, и туристы казались Марку чем-то очень старинным, архаичным, чье время ушло в прошлое и вряд ли вернется. Марк поблагодарил водителя и вылез из такси. Медленно прошел несколько шагов в свете фар, освещавшем несколько метров дороги. Позади оставшийся "Фольксваген" зашуршал шинами - уехал. Марк остался в одиночестве посреди малоосвещенной дороги, которой стоявший рядом старый вокзал придавал какой-то неземной колорит. Марк двинулся по дороге неспешно. Рядом стояли большие сосны - они тоже казались попавшими сюда с другой планеты, где царит иная жизнь. Сосны были освещены звездами, которые были так далеко от Марка, так же далеко, как и Эльза. Вот что значит надежда, и как нелегко говорить ей слова прощания.

На дороге было пустынно, Марк зашептал, стараясь быстрым передвижением в пространстве придать смысл своему существованию. Но мысли об Эльзе возникали с непреклонностью, с какой-то всерастворяющей неумолимостью. Как она была красива.. Марк испытал настоящее чувство ревности по отношению к своему воображаемому сопернику, и одновременно - чувство горечи и сожаления. Так складывалась его жизнь, и разве Марк был виноват в этом? И невозможно было бросить думать об Эльзе, забыть ее - ведь это значило бы забыть часть своей жизни. Старые сосны, казалось, шатались от надвигавшегося на них ветра. Все пронизывал ветер и все по-своему объяснял Марку. Неужели жизнь так проста, проста до того, что им больше не удастся увидеться с Эльзой так как раньше? Неужели прошлое так довлеет над людьми?

Он долго не мог найти верную дорогу к дому. Видно, повернул не там, и бор едва ли не обступил его, не взял в плен. Какой-то чужой дом с непривычной формой окон вынырнул из мглы справа. Рядом с ним играл с собакой молодой человек. Марк отвернулся и пошел дальше. Он увидел свой дом и не сразу узнал его - так странно был освещен подъезд в этот вечер, так необычно горел свет в окнах второго этажа.. Так, словно, и дом, и подъезд оказались на другой, чужой стороне мира, где было возможно все, всякие чудеса.

Марк поднялся по лестнице, заглянул в себе в квартиру, где темнота, казалось, была крепко настояна. Он постоял немного, не снимая пальто, размышляя. Он понял, что не сможет вот уснуть в этой квартире, с ее шепотливыми углами. Марк повернулся, вышел на лестничную площадку. Затем спустился вниз.

В магазине, который стоял неподалеку от дома Марка - нужно было пройти по окруженной соснами аллее - какая-то дама уже нагрузила свою большую сумку товарами и поворачивалась к выходу. Марк осторожно встал в стороне. В глаза бросились ряды стеклянных бутылок, наполненных алкогольными смесями, коробки конфет, горки шоколада, закусок.. Здесь сосредоточились как будто все достижения человеческой цивилизации - все, что могло усладить вкус среднего человека. Марк заметил бутылку с синей этикеткой, стоящую на верхней полке, и попросил продавщицу, накрашенную до сверхъестественной степени, отбить ее. Та поставила сосуд с сорокоградусной жидкостью на прилавок, возникла пауза.

Марк протянул бессмысленные купюры.

- Больше не будете ничего брать? - с удивлением спросила продавщица.

Марк отрицательно помотал головой. Он забросил бутылку на дно пакета, она плавно ушла в его глубину, наполнила тяжестью руку - и быстро вышел из магазина. На аллее было

полупустынно в этот поздний вечерний час - лишь один молодой человек возвращался домой, поеживался, с завистью глядел на Марка, одетого более тепло. Марк быстро миновал аллею, поднялся к себе на четвертый этаж. На площадке тускло горел свет. Марк с трудом открыл дверь, ввалился в квартиру, тяжело дыша от быстрой и утомившей его ходьбы. В коридоре будто сам по себе зажегся свет. Марк посмотрел в зеркало, продолговато освещавшее второй коридор - и одежда его показалась нелепой, как и сам вид в зеркале. Он оставил одежду и обувь в прихожей, пошел в зал, прихватив с собой бутылку. Потом подумал и, решив, что это тоже какое-то нелепое, неподходящее место, направился на кухню. В кухне фонарь с улицы освещал угол, краешек стола, оконную занавеску. Марк не стал включать свет. Бархатная тишина, казалось, опустилась на аллею, на сосновый бор, лишь медленно покачивались ветки за окном, словно сочувствуя Марку. Здесь, в кухне с освещенным углом Марк присел на табурет. Затем понял, что что-то забыл. Он повернулся, взял стакан с маленького столика и откупорил бутылку. Затем налил себе половину, посмотрел на пустую стену, быстро выпил. В тот же момент словно раздвинулись углы комнаты, как будто кухня стала просторнее. Какое-то странное ощущение, которое можно было принять за подобие чуда, овладело им. Но краем сознания Марк понимал, что это облегчение - временное, что ночь за окном - случайная гостья в этом мире, и уже следующий восход все отрезвит и все расставит по своим привычным местам, жизнь снова войдет в свое привычное русло - без чудес, без отрады, без надежды. Горечь во рту постепенно проходила, сменившись теплотой в середине тела. Марк подумал, что люди вокруг него живут совсем по-другому, и глоток вот этой именно жидкости заставляет их забывать свои заботы, замутняет разум, лишает способности к переживанию того, что происходит в действительности. Марк же забыться не мог, он сосредоточенно продолжал думать, и место Эльзы в мечтах его оставалось таким же незыблемым, как и прежде. Как в разгар будничного дня вспоминаешь, как забыло о чем-то приятном, так и Марк сейчас вспомнил о пистолете, который спокойно лежал в соседней комнате, в тумбе. В мире, который постепенно лишался смысла, этот предмет привлек внимание Марка. Можно было с ним учудить кое-что: выйти на улицу, застрелить первого попавшегося подонка, или самому.. Но Марк все еще рассуждал, как человек, который заботиться о своем существовании - по инерции, как огромный корабль, он двигался по кухне, расставляя табуреты. Потом направился неторопливо в комнату, и там присел на кровать. "Нет, сегодня было достаточно переживаний", - подумал он. И казалось, само время согласилось с ним. Нужно все это переждать, как-то обдумать, ведь человек может размышлять, казалось, говорило оно, - и тем отличается от прочих тварей.. Марк проснулся уже утром. За окном медленно нарастал ранний, только что рожденный свет.